

25 OKT 1952

РАЙОННЫЕ БУДНИ

Николай АТАРОВ

Но дальше начинается непримиримое расхождение. Как выполнять хлебобеспоставки: осуществляя советскую справедливость, давая колхозникам передовых и отстающих колхозов почувствовать в оплате труда разницу трудовых усилий... Или подобно Борзову — вытаскивать район из прорыва, как делается здесь из года в год, за счет передовых колхозов, которые, пусть в ущерб своему развитию, могут дать хлеба еще и еще, если дело обстоит плохо в колхозах отстающих. У Мартынова одно стремление, чтобы все колхозы стали богатыми, передовыми. У Борзова одна забота, как сегодня выполнить план хлебозаготовок, не задумываясь о завтрашнем дне. Так сталкивается широкая, государственная мысль с мыслью ограниченной, узкой, лишенной перспектив.

Конфликт передового и отстающего дан здесь в драматически резкой форме, так что порой видишь героев рассказа-очерка даже как бы на сцене. Овечкину ничего не нужно выдумывать — даже финала, которого просто нет в этом произведении. Автор обрывает повествование на подлесте, не опасаясь, что читатель останется в недоумении. Для того, чтоб писать правду, надо знать ее, — а неправду приходится выдумывать.

А характеры? Удались ли они? Ведь, казалось бы, перед нами очередной производственный конфликт — борьба правильного взгляда Мартынова с непониманием у Борзова. Нет, это не очередная размолвка «точек зрения», размолвка, к сожалению, часто подменяющая конфликты и в театре и во многих повестях. Автор ведет нас под занавес еще в одну сцену: Мартынов заходит в гости к жене своего противника, к Марье Сергеевне, директору районной конторы «Сортселекции». Борзов в отлучке, и снова два человека могут поговорить по душам. Любит Овечкин такие прямые самовысказывания советских людей — тут все по-честному, самые сокровенные мысли высказываются с полным доверием.

Марья Сергеевна, послушав резкую критику своего мужа из уст Мартынова, в ответ раскрывает ему тайну своей собственной жизни. Жена секретаря, нынешний директор конторы, сильно уже располневшая женщина, с широким добродушным лицом, отказывается, была когда-то знатной трактористкой, соревновалась с Нашей Ангелиной, получила орден за хорошую работу на тракторе.

«От твоих открытий, Петр Илларионович, я сегодня, кажется, всю ночь не буду спать», — сказала Марья Сергеевна. — Я вот думаю, между прочим, — добавила она с невеселой усмешкой, — за что он меня полюбил? Я и девушкой не была красивой... Мода пошла тогда такая — на знаменитых стакановках жениться. У нас и предика женился на простой девушке, звеньевой, из первых орденосцев, про нее тоже во всех газетах писали...

— Ну, это уж я не знаю, как у вас было, — ответил Мартынов. — Тут я тебе вряд ли помогу сделать правильные выводы».

Вот и весь разговор «о личном». Он освещает характеры героев произведения ярким светом правды.

«А, может, он только о себе думает?» — только что подсаживал Мартынов жене Борзова правду о ее муже. Думает о себе — и когда подбирает кадры, и когда информирует начальство, и когда шлет стандартные, на весь район, телефонограммы «молнии», спасая «лицо руководства». Вот мы увидели в далекой истории женитьбы Борзова весь его нынешний неприглядный портрет. Автору хорошо удалось показать, что в любви и в личной жизни характер людей выражается не менее резко, чем в труде и жизни общественной.

Характерная черта многих произведений В. Овечкина та, что в них всегда действует немало людей, которые кажутся сердитыми и хмурыми, но которые сами хорошо знают, что ненависть, живущая в них, питается большой любовью. Это — герои нашей борьбы, люди нашего дела. Автор любит изображать их недоброту, хмурость в момент столкновения с тем, что мешает им осуществлять их высокочеловеческие цели. Таковы и Настя Колосова, и капитан Спивак из повести «С фронтовым приветом», и гневный оратор — дед Чмелев из «Гостей в Стукачах». Таков и Мартынов из «Районных будней».

Как же дороги и близки нам эти «злые люди»? Они нетерпеливы до всенародного счастья, непримиримы к недостаткам — вот почему и «заливают кой-кому за шкуру сала». Это — люди, злые на лодырей и разгильдяев, на отстающих и «иждивенцев», на самодуров и трухляков, на рвачей-горлохвостов, на казенно-благодушных, на «лавулирующих», на тех, кто «не по любви, а по расчету»...

И Степан Горшок, — эпизодическая, мимоходом рассказанная фигура в «Районных буднях», — Степан Горшок, который, когда его стали выбирать в колхозные председатели, честно предупредил односельчан, как бы кой-кому хуже не стало, а потом и в самом деле засадил в тюрьму подлецов из бывшего правления, — образ этого Степана Горшка, пожалуй, самый милый сердцу автора образ.

Вот и хорошо! Так и надо — еще злее быть на все старые, отживающие привычки, мешающие нам в трудном походе.

Очень важно и дорого, когда с полуслова rozpoзнаешь писателя по почерку, «по перу». А еще гораздо важнее, когда писатель верен себе, своей жизненной задаче. Тогда в его новое произведение входишь, как в хорошо знакомый дом, где уже бывал не раз, где мысли и чувства, воплощенные в новых образах, растут за время твоих отлучек, как дети друга. Они будто иные стали с той последней разлуки, а все — те же.

Таково творчество Валентина Овечкина. Пишет он не много, читаясь его не часто. Но все равно — очерк ли это «Думы об урожае», опубликованный в «Правде» пять лет назад, пьеса ли, заметки ли «Трактористы», только что напечатанные в журнале «Огонек», — все равно воспринимаешь все это, как развитие одного серьезного разговора, которым автор озабочен — вот как! — дальше некуда... Кажется, оплошает на минуту выразитель его мыслей на страницах произведения, и сам Овечкин, не стеснясь канонами жанра, вцепится в противников, не даст им уклониться от боя на избранной для этого случая площадке.

Как будто никакой заботы о жанре. Что такое «С фронтовым приветом»? Повесть ли? Что такое «Гости в Стукачах»? Рассказ ли? Да и в пьесе «Настя Колосова» есть сцены, из которых вынуты драматургические пружины и пружинки.

Но странное дело: не оттого ли, что для Овечкина нет отвлеченной заботы о почерке и пере, а есть только одна забота — вмешаться в жизнь, чтобы изменить ее, улучшить, подбодрить одних героев, отругать других, — от этого идет и вся своеобразная писательская выразительность Овечкина, от этого запоминаемость многих его персонажей.

Смотришь в Ярославском театре драмы «Настю Колосову» и вдруг узнаешь в новой Насте что-то родственное старой Прасковье Максимовне из довоенного рассказа-очерка под тем же названием. Пятнадцать лет прошло, да — но что-то важное осталось от Прасковьи Максимовны в Насте, та же она — «чорт в юбке». Столь же напряженно, хоть и совсем при других обстоятельствах и по другим причинам, складываются ее отношения с людьми своего колхоза. Тогда, в первые годы колхозного строя, она была одинока в своей передовости, и автор помогал ей, вел за руку, ободрял на трудном пути. А теперь сколько хороших людей повзрало вокруг Насти — Прасковьи от ее же усилий, но ее же примеру, да жаль, осталась она «вечным передовиком», оторвалась, — и теперь автор не падит ее, судит ее, ставит под огонь народной критики. Но и теперь он с нее глаз не сводит. Интересно думать о том, какая она — обновленная — будет нам показана Овечкиным еще через пять, через десять лет.

Читаешь в девятой книжке «Нового мира» новый не то рассказ, не то очерк «Районные будни» — и снова, вытянутые, как прямая борозда, проведенная хорошим трактористом, выстраиваются за этим произведением другие произведения верного себе автора. Но жизнь развивается и развиваются образы писателя. В. Овечкин, видимо, хорошо знает, что в художественном творчестве, как и в тракторной пахоте, прямолинейность нужна не для формы, не для красоты, что красота приходит уже как следствие, радует сердца людей во всходах.

В ненастную погоду, когда «ветер сыпал в окна крупными каплями дождя, будто щепнем», в райкоме партии идет большой разговор по душам. Так начинается это произведение, прочитанное нами в журнале под рубрикой «Дневник писателя». Второй секретарь райкома партии Мартынов спрашивает совета у председателя передового колхоза Демьяна Овечкина: как руководить уборкой хлеба в районе в такую непогоду, как «нажимать», чтобы люди не смеялись над телефонограммами из райцентра... Разговор переходит на самый жгучий вопрос — о пестроте колхозов, об отстающих, об иждивенчестве отстающих, о вечных им поблажках, о неверной тенденции районного руководства — выехать за счет передовиков.

Об этом, собственно, весь небольшой рассказ-очерк.

В центре его — конфликт методов руководства колхозами в одном районе, конфликт, олицетворенный фигурами двух секретарей райкома: Мартынова и Борзова. И оттого, что сразу автор дает читателю почувствовать свою расположенность к председателю передового колхоза — умному, седому, грузному, располневшему от забот, как он говорит о себе, Овечкину, этому Демьяну Богатому сельскохозяйственного района, оттого, что сразу чувством проникаешь в его большую обиду за свой колхоз, который вечно и безвозвратно, «до самого коммунизма», ссужает остальные колхозы, — от этого конфликт основных персонажей становится еще драматичнее и резче.

Оба — и Мартынов, и Борзов — согласны в том, что стране нужен хлеб, оба понимают, что государственное дело решается здесь, в их районе. Ведь ради этого возвращается из отпуска, с курорта никем не вызванный Борзов и, не заехав еще домой, мчит на элеватор, потом в райком. Ради этого вникает в думы Овечкина Мартынов.